

Великие актеры
театра и кино

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Для начала позвольте, любезный читатель мой, напомнить вам некоторые справочные прописи. Так сказать, для ориентировки. Московский театр драмы и комедии был основан в 1946 году. Руководил им Александр Плотников. В труппу вошли несколько десятков воспитанников московских театральных студий. Наиболее известным среди них считался Готлиб Ронинсон. Никаких лавров у столичной публики тот драматический коллектив не стяжал. Более того, в начале 1960-х годов он оказался одним из наименее посещаемых театров Москвы и Подмосковья. Осенью 1963 года в театр назначили директором Николая Дупака — фронтовика, инвалида Великой Отечественной войны, ведущего актера и секретаря парткома Театра имени Станиславского. Ему предстояло вытащить труппу из глубочайшей творческой, а заодно и финансовой пропасти. Проблему руководство от культуры даже очертило так: «Не справитесь, Николай Лукьянович, с партийным поручением — мы театр этот за-

кромем». То есть ему понятно, что нужны были меры экстраординарные. И Плотникову пришлось уйти в отставку. На должность главного режиссера Дупак пригласил Юрия Любимова, который играл в Театре имени Вахтангова. К захватывающим подробностям этой, без преувеличения, исторической встречи двух «фундаторов» — основателей театра — мы еще не раз вернемся. Пока что отметим главное. Именно Дупак разглядел в довольно посредственном актере Любимове режиссерские задатки. Именно Николай Лукьянович добавил к прежнему наименованию театра красноречиво-уточняющее «на Таганке». Именно он придумал, нарисовал и, главное, утвердил «в инстанциях» эмблему театра — красный квадрат с черными словами по периметру: «Московский театр драмы и комедии на Таганке», ставший театральной легендой всего Советского Союза.

В жизни автора сих строк Таганка не просто московский театр — Атлантида моей молодости, воспоминания, слаще которых могут быть разве лишь времена рождения собственных детей и внуков. Скажу больше. Многие творцы из этого уникального драматического коллектива: Высоцкий, Дупак, Славина, Любимов, Золотухин, Филатов, Ярмольник, Васильев, Губенко, Хмельницкий, Смехов самым серьезным образом повлияли на мое мировоззрение, на то, что нынче модно именовать менталитетом. К воспоминаниям об этих и некоторых других актерах Театра на Таганке я сейчас и приступаю. И помоги мне, Господи, быть, елико возможно, честным в тех воспоминаниях.

Владимир Высоцкий

...Мы успели, в гости к Богу
Не бывает опозданий.
Так что ж там ангелы поют
Таковыми злыми голосами?
Или это колокольчик
Весь зашелся от рыданий,
Или я кричу коням,
Чтоб не несли так быстро сани?

Чуть помедленнее, кони,
Чуть помедленнее!
Умоляю вас вскачь не лететь!
Но что-то кони мне попались
Привередливые...
Коль дожить не успел,
Так хотя бы — допеть.
Я коней напою, я куплет допою,
Хоть немного еще постою на краю...

* * *

Нод занавес восьмидесятых слава Высоцкого достигла своего пика. Им восторгались жители огромного Советского Союза и почти всех социалистических стран. Отбросив ложную скромность, могу смело утверждать, что и я в те времена уже отдавал себе отчет в том, сколь велика эта фигура в мире театральном и особенно в мире поэтическом. Разумеется, я жаждал с ним общения. Рано или поздно цели своей добился бы всенепременно. И вот почему. С ним давно уже дружил мой начальник редакторского отделения — полковник Анатолий Григорьевич Утыльев. Личность эта по-своему легендарная. Службу свою офицерскую он начинал в первом отряде космонавтов в должности начальника ПДС (парашютно-десантная служба). Все космонавты первого набора: Иван Аникеев, Валерий Быковский, Борис Волинов, Юрий Гагарин, Виктор Горбатко, Владимир Комаров, Алексей Леонов, Григорий Нелюбов, Андриян Николаев, Павел Попович, Герман Титов, Георгий Шонин, Евгений Хрунов были поэтому его лучшими друзьями. Уйдя на повышение и став помощником начальника политуправления ВВС по комсомольской работе, Утыльев продолжал курировать отряд космонавтов.

Рассказчик Утыльев был знатный и одновременно задушевный. Никакого артистизма, тем более нарциссизма, никаких пережимов. Говорил юморно, тихо, почти застенчиво, а всегда — заслушаешься. Еще бы: «Космос всегда находился под семью печатями секретности. Те, кто слетал, сразу становились героями,

и весь мир о них узнавал. Но о тех, кому еще предстояли полеты, даже родные слыхом ничего не слышали. Попасты в отряд космонавтов было сложнее, чем на ракетно-ядерную базу. И вот мы с Женей Тяжельниковым (первый секретарь ЦК ВЛКСМ) решили ломануть эту замшелую систему. На одном из закрытых мероприятий подошли вдвоем к Брежневу и наперебой пожаловались, что у наших космонавтов среди развлечений: кино, бильярд и домино. Леонид Ильич подзвал министра обороны Гречко: «Андрей Антонович, ребята тут сетуют и, по-моему, справедливо. Ты разберись и мне потом доложишь». Мы давай ковать железо, пока оно горячо. Говорим: надо для космонавтов регулярно устраивать концерты с участием лучших артистов страны. А для этого желательно и платить им соответственно. Короче, с тех пор в Звездном городке кто только не побывал. Многие шли, конечно, из-за хорошего гонорара, мы вдвое, иногда и втрое больше платили, чем на гражданке. Но большинство — по соображениям престижности. Ты спроси тех же Высоцкого, Ротару, Пугачеву, Гнатюка, да даже Кобзона, и они тебе скажут: выступление перед космонавтами приравнивалось тогда к знаку качества и открывало потом практически неограниченные возможности перед деятелями культуры. Мы в самом деле приглашали только и исключительно лучших из лучших.

...А Высоцкого и Гагарина я познакомил. Новый, 1965 год мы встречали в квартире инженера Валерия Сергейчика в Звездном городке. Он временно «холостяковал» — домочадцы уехали на родину. Компания собралась шумная и многолюдная: Николаев, Хру-

нов, Горбатко, Быковский — да всех разве упомнишь. У Вали мы и заночевали — кто где. Проснулся я по привычке раненько, все еще дрыхли. Звонок в дверь. Открываю — Юрий Гагарин: «Толя, мне вчера подарили необычную кассету: какой-то парень поет просто потрясающе. У вас же есть магнитофон. Давай послушаем». И Юра врубил магнитофон на всю катушку — ребята как очумелые вскочили. Ну а я по первым аккордам узнал, кто поет. У меня солдатом служил Толя Васильев, которого мы призвали из Таганки. Он меня со своим поющим коллегой и свел. «Так это ж Высоцкий», — говорю. Юра зажегся: «Обязательно познакомь меня с ним!» На следующий день была суббота, и они оба прибыли ко мне на квартиру. Гагарин еще кого-то привез с собой на «Волге» — тоже не помню. Зато железно знаю, что они понравились друг другу. Само собой, сели за стол. Пошли тосты. Володя, правда, даже не нюхал спиртного, находился «в завязке». Но как он пел! «Пока вы здесь в ванночке с кафелем...», «Тот, кто раньше с нею был», «Серебряные струны», «Не уводите меня из весны», «Бал-маскарад», «Зэка Васильев и Петров зэка», «Про Сережку Фомина». И еще другие песни, которые я, естественно, запомнил. Мишаня, ведь почти сорок лет минуло с тех пор! Я много раз слушал его в разных аудиториях, но такого исполнения, как тогда, и не припомню. Виделись ли Гагарин с Высоцким после той встречи? Это вряд ли. Кто-то из них мне бы обязательно сообщил. А вот в Звездном городке Володя побывал. Он давно мечтал посмотреть центрифугу, барокамеру и другие аппараты, на которых тренировались космонавты, —

не раз мне о том говорил. Но в те времена центрифуга считалась суперсекретным объектом. В пристально охраняемом Звездном ее еще и специально охраняли. И я об этом Высоцкого предупреждал. Но однажды он меня, что называется, припер к стенке: «Веди, а то обижусь!» Ну как тут откажешь? Потолковал я с начальником отдела генералом Газенко. У него, между прочим, Юра Сенкевич тогда еще капитаном работал. Олег Георгиевич с трудом согласился. Кроме Высоцкого я еще прихватил Борю Хмельницкого и Толю Васильева. Пришлось нам срывать пломбы, снимать часового. Непростая операция, с учетом того, что ее еще надо было сохранить в тайне от высокого начальства. Сначала показали гостям трехплоскостной стенд для тренировки вестибулярного аппарата. Потом пошли на центрифугу — самую мощную по тем временам в мире. Машина на самом деле! Открыли Володе кабину. Он полежал в кресле, в котором еще Гагарин тренировался, кнопки всякие понажимал. Вылез. Мы запустили аппарат. Предложил Володе покрутиться. «Нет, братцы, малость мандражирую», — признался. Может быть, и потому, что мы ему честно рассказали: никто из космонавтов центрифугу не жаловал. А Гагарин так и просто терпеть ее не мог. Однако я очень доволен, что для Высоцкого тот визит на центрифугу не прошел даром. Помнишь:

Я затаился и затих, и замер,
Мне показалось, я вернулся вдруг
В бездушье безвоздушных барокамер
И в замкнутые петли центрифуг.

И вот именно благодаря Утыльеву мне и посчастливилось близко сойтись с Владимиром Высоцким. Хотя и тут не обошлось без пушкинского: «Случай — бог изобретатель». В конце семидесятых артист и бард начал строить дачу на половине участка киносценариста Эдуарда Володарского. Не сам, разумеется, а мастера строили. Да оказались по факту никудышными людьми. Отделывая дом изнутри, запустили автономное отопление. Потом выпили и ушли, забыв его выключить. А дело было в канун 1979 года, когда в Москве стояли жуткие морозы. Воробьи на лету замерзали. Вот Володино отопление благополучно и разморозилось.

Случись такая неприятность в наше время, мы бы что предприняли? Да элементарно обратились бы в специальные конторы, службы. В те достославные годы все решалось по принципу, Аркадием Райкиным сформулированному: «Я прихожу к тебе, ты через завсклада, через директора магазина, через товароведа достал дефицит!» Или решил проблему — не имеет значения. Почему и всплыла моя фамилия. В театре все знали, что есть такой старлей Захарчук, способный быстро «решать возникающие вопросы». Заместитель директора Кислицкий и посоветовал Высоцкому обратиться ко мне. Янклович его поддержал. Владимир Семенович позвонил Утыльеву: «Там у тебя учится такой Захарчук. Говорят, разбитной малый. А у меня тут геморрой возник с дачным отоплением. Как полагаешь, он мог бы помочь?» Утыльев потом рассказывал, что выдал мне наилучшую характеристику. В том смысле, что этот старлей (то есть я) в лепешку расшибется, но

дело сделает. И уже через час Высоцкий меня подробно инструктировал:

— По Профсоюзной едешь все время прямо. На 36-м километре сворачиваешь вправо. Там — дачи Гостроя и писательский поселок Пахра. Увидишь забор из новых некрашенных досок — это и есть моя дача. Вот ключи. Как войдешь в дом, там, слева, твоему взору откроются пять разрывов в трубе. Их надо заварить. Толя Утыльев сказал, что на тебя в этом смысле можно положиться. Да и ребята говорят, что парень ты не промах. Удачи!»

Кажись, Наполеон первым заметил: главное — ввязаться в бой, а там кривая авось да вывезет. Но мне уповать на кривую было верхом легкомыслия. Поэтому я для начала поехал к уже знакомому читателям начальнику строительного управления полковнику Новикову. Упал ему в ноги и честно, как на духу, признался: вот-де назвался перед Высоцким груздем, а в кузов лезть не то что страшно — нелепо, — ничего же не смыслю в автономном отоплении. Помогите. Виктор Федорович вызвал майора Анатолия Кукиля, старших лейтенантов — Николая Бородачева, Виктора Дударева и устроил «совет в Филях». Впервые я обнародую эти фамилии офицеров, которые в трудную минуту оказали мне просто-таки неопределимую помощь. Как знать, а вдруг кому-то из них попадутся на глаза эти строки... Наутро у меня был автомобиль «рафик» со сварочной аппаратурой и двумя солдатами: водителем и газосварщиком. И мы поехали по указанному адресу.

Поселок Троицк (бывшая Красная Пахра), где располагалась дача Высоцкого, сильно занесло снегом. Утопая

в нем по пояс, мы с бойцами еле добрались до крыльца. С трудом открыли заледеневшую, закиданную снегом дверь. Слева на трубах отопления оказалось действительно пять белых барашков, но когда я обследовал оба этажа пахнущего свежей стружкой помещения, насчитал в системе тридцать четыре повреждения! Попробовали их заваривать — не получается. Лед становился водой, вода — паром, и последнюю точку газосварки вышибало как пробку. Ежу стало понятно: покуда не сольем воду из системы, трубы не починим. А общая длина труб — далеко за сотню метров. Посидели, покурили, чаю из моего термоса попили и поехали к знакомому заведующему солдатским клубом в Ватутинке-1 майору Валерию Николаеву. У него раздобыли паяльную лампу. Вернулись на дачу. Стали отогревать трубы — быстро загораются недавно проолифленные под ними доски. Так чего доброго и дом можно спалить. Нужна была асбестовая или хотя бы шиферная прокладка. Голодные газосварщик и водитель чертыхаются. Еду с ними в столовую местного Дома офицеров, кормлю обоих, а потом затемно возвращаемся в Москву.

В тесной администраторской комнате Высоцкий в свидригайловском, кажись, халате расспрашивал меня, что к чему. Честно, как на духу, ему отвечал, что даже если и запущу отопление, а запущу его всенепременно, то все равно оно для наших подмосковных морозов, прямо скажем, говенное. Мыслимо ли: батареи в доме с книжку величиной. При наших-то зимах! Там надо обыкновенные, чугунные устанавливать. Володя возмущается, чертыхается: ведь инженер систему проектировал! Валерий Янклович, администратор театра

и, безусловно, самый близкий друг Володи, стоит за его спиной и зло так шипит на меня: «Да не компостируй ты ему мозги теми трубами! Как-нибудь без него справимся». А Семеновичу, вижу, интересны мои подробные, хоть и пустячные рассказы. Все же первое в жизни свое жилье возводил. Почти неделю потом я валандался с тем отоплением и каждый вечер перед Володией держал подробный отчет. Он больше всего досадовал оттого, что не мог, как мы с Валерой Янковичем, коньяк пить. В очередной раз «зашит» был. В итоге все трубы мы починили и даже сделали пробную топку, но потом полностью слили воду из системы, чтобы она по новой не разморозилась. Напомню читателю: зима, о которой вспоминаю, была единственной за столетие, в которой все три календарных месяца стояли морозы в 25 и больше градусов. Летом того же года, как я и предрекал, все батареи отопления были заменены.

Ну что я вам должен заметить, дорогой мой читатель. У каждого из нас есть в жизни примечательные моменты, памятные случаи, которые не выветриваются из памяти, не уходят в небытие, а остаются с нами на всю последующую жизнь. Такое событие для меня — починка отопления на даче Высоцкого. Боже ж ты мой, как я гордился той своей работой — этого вам словами не передать! Моя жена Татьяна даже со временем вывела такую закономерность. Тебя, говорит, сразу можно уводить из хмельной компании, когда ты начинаешь хвастаться тем, что чинил отопление у Высоцкого: значит, напился. И, пожалуй, супруга права. Трезвый я всегда понимаю всю пропасть, которая существовала между мной и Высоцким — друзьями мы никогда не были.